

Госпожа И неловко улыбнулась, в то время как И Шань в душе усмехнулась: «Уже пришли, а всё ещё говорят такие вещи, не боясь насмешек».

И Хуай и Ань Фан немного постояли наверху. Шао Исинь оглядывалась по сторонам, и, увидев И Хуая, на её лице мелькнула радость. Однако, заметив неотвязного Ань Фана, её выражение резко изменилось. Она никогда не позволяла себе показывать такое выражение лица перед И Хуаем, словно она только что проглотила муху.

Но Шао Исинь не смогла сдержаться. Она чувствовала себя глубоко униженной. Она умоляла брата, умоляла маму, чтобы её пустили в дом И. Но И Хуай привёл с собой Ань Фана! Это было ужасно. С того момента, как Ань Фан появился рядом с И Хуаем, всё начало стремительно уходить от первоначального курса.

С крайне недовольным выражением лица Шао Исинь встала с дивана и, не сказав ни слова, крайне невежливо развернулась и ушла.

Её внезапный поступок застал всех врасплох. Госпожа Шао всё ещё разговаривала с госпожой И, и обе на мгновение замерли. Госпожа Шао встала с дивана:

— Исинь, куда ты идёшь?

Шао Исинь молча быстро шла вперёд. Госпожа Шао, не понимая, что с ней происходит, смущённо выругалась:

— Эта невоспитанная девчонка.

Извинившись, госпожа Шао тоже вышла. Лян Мяочжи, сидя на диване, подняла голову и увидела И Хуая, стоящего на втором этаже, с недоумённым выражением лица.

В это время уже должны были подойти родственники со стороны госпожи И. И Хуай окинул взглядом убранный зал, повернулся к Ань Фану и поднял бровь:

— Надень куртку.

— Брат! — И Шань испугалась, подумав, что они уходят.

И Хуай сказал:

— Мы пойдём прогуляемся, скоро придут твои дяди.

И Шань сжала губы, ничего не сказав.

На улице было довольно холодно, оба были одеты в тёплые куртки. Перед выходом И Хуай, увидев, как Ань Фан втянул шею от холода, накинул ему на шею шарф.

Выйдя на улицу, они поняли, что внутри и снаружи — это два разных сезона. Ледяной ветер безжалостно бил по лицу, и Ань Фан, едва высунув носок ноги, сразу же втянул его обратно.

— Ух... как тут холодно!

Его поведение явно намекало на то, что он ни за что не выйдет. И Хуай, увидев его детскую реакцию, с улыбкой схватил его замёрзшую руку, растёр её между ладонями и засунул в карман.

— Путь недолгий.

Ань Фану было так холодно, что он почти повис на И Хуае. И Хуай поддразнил его:

— А если бы на съёмках была такая температура, что бы ты делал?

В прекрасных глазах Ань Фана, похожих на персиковые цветы, светилась явная улыбка. Он без стеснения поцеловал И Хуая в щёку и, словно капризничая, сказал:

— Ты же меня любишь. Рядом с тобой я боюсь холода.

И Хуай наконец улыбнулся по-настоящему, впервые с тех пор, как они вернулись домой. Он крепче прижал его к себе, и мрачность на его лице рассеялась благодаря сладким словам Ань Фана. Видно, что приятные слова действительно могут поднять настроение.

Резиденция И представляла собой отдельный небольшой особняк с большим садом, террасой и оранжереей во дворе. Ночь была глубока, и небо было усыпано звёздами, сияющими, как драгоценности.

По обеим сторонам дороги стояли высокие фонари, и весь особняк был освещён так ярко, что даже тени не было видно.

Как и сказал И Хуай, путь был недолгим. Пройдя короткий участок позади особняка, они добрались до оранжереи.

Целые поля английских роз, как ковёр, устлали землю. Нежные лепестки цветов переплетались с изумрудной зеленью листьев.

Под светом ламп на лепестках оставались капли воды, которые отражали красивый блеск. Оранжерея была выполнена в виде золотой клетки, но это не выглядело неуместно, а, напротив, было изысканно красиво и привлекало внимание.

Даже если кто-то не был поклонником цветов, каждый, увидев такую красивую оранжерею, невольно начинал восхищаться.

Оранжерея была теплицей с системой поддержания температуры. Войдя внутрь, Ань Фан сразу почувствовал тепло. И Хуай не позволил ему снять куртку, обхватив его руку своей широкой ладонью. Ань Фан, ведомый им, дошёл до самого конца оранжереи, где находилась небольшая стеклянная терраса. Там стоял маленький диван, а на столике лежали закуски. На столе стоял горячий ароматный чай с молоком. В глазах Ань Фана, похожих на персиковые цветы, светилось удивление, когда он посмотрел на И Хуая.

— Что ещё ты приготовил, мой дорогой?

— После полуночи будут фейерверки, это лучшее место для просмотра, — спокойно объяснил И Хуай, слегка отводя взгляд.

Сердце Ань Фана смягчилось. Он прижался к И Хуаю, играя его пальцами, и с лёгкой улыбкой в голосе сказал:

— Понял.

Затем добавил:

— Спасибо.

Он прижался головой к плечу И Хуая, не поднимая глаз, и мог видеть тёмное, как чернила, небо, усеянное звёздами, расположенными хаотично.

Его чёрные глаза отражали сияние звёзд, но он не знал, что И Хуай, повернув голову, смотрел на него и видел в его глазах целый мир.

Редко у них была возможность так спокойно побыть вместе. Работа, съёмки, мирские дела всегда мешали им успокоиться, и слишком много факторов не позволяли им наслаждаться такой тишиной.

— Когда будет время, я отвезу тебя в Тибет, там звёзды очень большие, — мягко сказал И Хуай, и, слушая его, Ань Фан почувствовал лёгкую надежду.

— Хорошо.

Они укрылись пледом, И Хуай обнял Ань Фана, и они сидели так, не зная, сколько времени прошло. Когда часы пробили полночь, в небе вспыхнул первый фейерверк, слой за слоем, словно огненное дерево.

Этот фейерверк, взорвавшийся в небе, не был сигналом победы, а лишь началом атаки. С первого фейерверка всё небо загорелось, фейерверки взрывались с безумной силой, и даже в оранжерее звук был оглушительным. Нежные розы дрожали от этих оглушительных взрывов. Ань Фан широко раскрыл глаза, наблюдая, как фейерверки взрываются и рассыпаются перед его глазами. Когда небо было полностью освещено фейерверками, И Хуай, всё это время смотревший на него, нежно повернул его лицо и поцеловал.

Губы И Хуая были горячее, чем огонь фейерверков. Ань Фан наконец оторвал взгляд от красивых огней и посмотрел на лицо своего любимого. Они обнялись, крепко прижавшись друг к другу, и поцеловались.

В ушах звучали оглушительные взрывы, но странным образом они не казались шумными. В их глазах остались только друг друга, только лёгкая улыбка на губах и теплота тела.

Хорошее настроение от объятий отражалось на лицах И Хуая и Ань Фана. Обратный путь занял меньше половины времени, чем дорога туда. Видимо, согретые душой и телом, они шли быстрее. По пути Ань Фан схватил руку И Хуая и вдруг сказал:

— В прошлый раз, когда я смотрел фейерверки, это было с моим отцом.

Он жестами показал:

— Тогда мне было десять с половиной лет, и я был ему только по плечо.

— Да? — И Хуай поддержал разговор, но в душе был удивлён, что Ань Фан заговорил о своём прошлом.

— Тогда я был низким и худым, везде выглядел, как недоразвитый. Отец очень переживал, часто водил меня в больницу, — Ань Фан вдруг засмеялся, повернувшись к И Хуаю, с хитрым блеском в глазах и гордостью в голосе:

— Он не знал, что я выливал все лекарства, которые он давал мне, в унитаз.

Впервые И Хуай увидел на лице Ань Фана такое выражение — немного самодовольное, немного гордое. И Хуай с улыбкой слушал, а Ань Фан говорил с удовольствием. Но в конце его настроение почему-то вдруг упало. Он усмехнулся:

— Но он не дождался, пока я стану выше его, и оставил меня одного.

Улыбка Ань Фана задела И Хуая за живое. Он нежно погладил его по плечу:

— Ничего, теперь я с тобой.

Ань Фан повернулся и, уставший, прислонился к И Хуаю.

Под звёздным небом они тихо обнялись. Ань Фан прижался головой к плечу И Хуая и снова подумал: «Мне так повезло, что у меня есть этот мужчина».

Когда И Хуай и Ань Фан подошли к входу, они услышали тихий спор в гостиной. Голоса были негромкие, но из-за тишины в доме они звучали громче.

<http://bllate.org/book/16314/1472535>